

Трубецкой Евгений Николаевич

Энциклопедия права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич Т.**
Энциклопедия права / Трубецкой Евгений Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-519-77503-8

ISBN 978-5-519-77503-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Определение права.

Первая и основная задача юридической энциклопедии заключается в определении самого понятия о правѣ. Пока мы не выяснимъ себя, *что такое право вообще*, всѣ наши сужденія о тѣхъ или другихъ конкретныхъ видахъ права будутъ страдать неясностью, отсутствіемъ опредѣленнаго научнаго содержанія. По поводу каждаго нашего отдѣльнаго сужденія, относящагося къ той или другой области юриспруденціи, можетъ возникать сомнѣніе, представляетъ ли оно собою дѣйствительно сужденіе правѣ или чѣмъ-то другимъ, *есть право*. При отсутствіи удовлетворительнаго опредѣленія понятія права не могутъ быть проведены ясныя границы между правовѣдѣніемъ и другими науками; а при отсутствіи такихъ границъ наука права всегда рискуетъ или не охватывать весь свой предметъ или совершать захваты изъ другихъ чуждыхъ ей областей знанія.

Чтобы такъ или иначе разрѣшить спорный въ наукѣ вопросъ о существѣ права, необходимо прежде всего остановиться на тѣхъ признакахъ опредѣляемаго понятія, которые не вызываютъ сомнѣнія, и затѣмъ перейти къ тѣмъ, которые представляются спорными. Прежде всего несомнѣнно, что право выражаетъ собою *правило повеленія*. Въ какомъ бы смыслѣ мы ни употребляли слово „*право*“, мы всегда подразумеваемъ подъ нимъ что-то такое, противъ чего не слѣдуетъ посягать, чего не должно нарушать; съ этимъ словомъ въ нашемъ умѣ всегда связывается то или другое повелѣніе, предписаніе какихъ-либо положительныхъ дѣйствій или воздержанія отъ дѣйствій. Всякому праву соответствуетъ чья-либо обязанность, требованіе, обращенное къ какому-либо лицу или лицамъ. Когда мы говоримъ правѣ кредитора на полученіе долга, это значитъ, что опредѣленное лицо — должникъ — обязанъ уплатить

этого долгъ. Когда мы говоримъ о правѣ собственности какого-либо лица, это значить, что всѣ прочія лица — не-собственники — должны воздерживаться отъ всякихъ посягательствъ противъ того, что составляетъ для нихъ чужую собственность. Когда мы говоримъ о правѣ ~~власти~~, мы непременно подразумеваемъ, что тѣ или другія ~~лица~~ — подчиненные — обязаны повиноваться власти.

Если право всегда устанавливаетъ чин-либо обязанности, то столь же несомнѣнно, что оно всегда выражаетъ собою ~~чье-то притязаніе~~. Во всякомъ правѣ есть двѣ стороны — лицо управомоченное, которое можетъ требовать, и лицо или лица обязанныя, которыя должны исполнять требованіе. Собственникъ можетъ требовать отъ всѣхъ прочихъ людей, чтобы они уважали его собственность; точно такъ же кредиторъ можетъ предъявлять требованіе къ должнику, власть — къ подчиненному.

Изъ всего предшествовавшаго видно прежде всего, что право неразрывно связано, во-1-хъ, съ существованіемъ лица, которое является его обладателемъ и носителемъ, и, во-2-хъ, съ существованіемъ общества лицъ, среди коихъ лицо управомоченное осуществлять свое право, къ которымъ оно предъявляетъ свои требованія. Если всякое право непременно выражаетъ собою притязанія однихъ лицъ, обязанности другихъ, то ясное дѣло, что всякое право предполагаетъ общество и и внѣ общества представляется невозможнымъ. Представимъ себѣ лицо, совершенно изолированное, живущее внѣ всякаго общества, внѣ всякаго отношенія къ другимъ лицамъ: такое лицо, очевидно, не обладало бы никакими правами; нельзя говорить о правахъ собственности такого лица, о его правѣ на жизнь или на дѣйствія другихъ лицъ, ибо у него нѣтъ ближнихъ, которые бы могли признавать или оспаривать эти права. Гдѣ нѣтъ лица или лицъ, обязанныхъ соблюдать чужое право, тамъ нѣтъ и лица управомоченнаго, стало-быть, нѣтъ и самаго права.

Если мы и можемъ говорить о правѣ какого-нибудь Робинзона, живущаго на необитаемомъ островѣ, то только въ предположеніи какого-либо возможнаго ближняго, возможнаго общества другихъ лицъ, которыя когда-либо нарушаютъ его одиночество. Если мы, напр., говоримъ о правахъ собствен-

пости Робинзона, то это не значить, очевидно, что поодушвленные стихии не должны портить его имущество или что дикіе звѣри не должны посягать на его жизнь и расхищать его стада; это можетъ значить только, что всякое другое разумное лицо, которое можетъ появиться на островѣ Робинзона, не должно посягать на принадлежащія ему вещи.

Такимъ образомъ, всякое право предполагаетъ *общество*; только въ предположеніи общества разумныхъ лицъ можно говорить о правѣ; съ другой стороны, не можетъ существовать и общества разумныхъ лицъ безъ права. Представимъ себѣ такое собраніе людей, гдѣ никто не признавалъ бы за своимъ сосѣдомъ никакихъ правъ, стадо-быть ни права на жизнь, ни права на имущество; очевидно, что такое собраніе людей не было бы обществомъ; люди могутъ составлять общество только при томъ условіи, если за отдѣльнымъ лицомъ признается известная сфера, въ которой должны господствовать его цѣли, — иначе говоря, если за нимъ признается сфера правъ, коихъ не должны нарушать его ближніе. Право, такимъ образомъ, есть необходимое условіе всякаго общества: оно — тотъ общій порядокъ, которому должно подчиняться какъ цѣлое общество, такъ и каждый отдѣльный его членъ. Живя въ обществѣ, я долженъ сознательно поступить въ пользу ближняго цѣлымъ рядомъ эгоистическихъ интересовъ и цѣлей: я долженъ уважать чужую жизнь, свободу и имущество; такъ же долженъ относиться ко мнѣ мой ближній; всѣ мы должны почитать право, какъ общій порядокъ, который долженъ господствовать надъ волей каждаго изъ насъ. Отсюда — первое и самое общее опредѣленіе права: *право есть порядокъ, регулирующий отношенія отдѣльныхъ лицъ въ человеческомъ обществѣ*.

Разматривая это опредѣленіе, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не полное, мы обнаружимъ цѣлый рядъ другихъ свойствъ, другихъ существенныхъ признаковъ права. Право, какъ сказано, всегда выражается въ видѣ *притязаній, требованій*, съ одной стороны, въ видѣ *обязанностей* — съ другой стороны. Ясное дѣло, что притязанія, требованія могутъ предъявляться только къ разумнымъ сознательнымъ существамъ, способнымъ понимать требованіе; только по отношенію къ такимъ существамъ возможно гсворить объ обязанностяхъ: смѣшно было бы говорить объ обязанностяхъ растенія или камня, и по меньшей

мнѣ несомнительно было бы заявлять о нашихъ правахъ волкамъ или тиграмъ. Но и этого мало: требованія права, какъ и вообще всякія вѣщія разума, могутъ обращаться только къ лицамъ, способнымъ ихъ исполнить или не исполнить, т.-е. къ существамъ, обладающимъ способностью свободного выбора.—Если обращаюсь къ ближнему съ требованіемъ уплатить мнѣ долгъ, оказать мнѣ повинованіе, не посягать на принадлежащую мнѣ вещь, то, очевидно, я предполагаю, что онъ можетъ исполнить мое требованіе, соблюсти или нарушить мое право; право, какъ мы видѣли, всегда выражаетъ собою не только чье либо притязаніе, но и чью-либо обязанность; но обязанность можетъ быть приписана только такому существу, которое способно выбрать между должнымъ и не должнымъ: право властвуетъ надъ нами не какъ непреодолимый законъ природы, а какъ требованіе, обращенное къ нашей свободной волѣ, вѣщіе, которое мы можемъ исполнить или нарушить.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ сложный метафизическій вопросъ о свободѣ челоѣческой воли, т.-е. объ отношеніи челоѣческой воли къ властвующей въ мірѣ необходимости. Для нашей цѣли пока достаточно установить, что право предполагаетъ свободу въ двоякомъ смыслѣ: во-1-хъ, какъ способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведеніе (свобода внутренняя) и, во-2-хъ, какъ возможность дѣйствовать вовнѣ, преслѣдовать и осуществлять какія-либо цѣли въ мірѣ внѣшнемъ (свобода внѣшняя).

Свобода внутренняя, какъ мы видѣли, предполагается правомъ какъ условіе его существованія: къ ней предъявляются вѣщія права; вѣщія эти имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они обращаются къ существу, способному сознательно избирать ту или другую цѣль, тотъ или другой образъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ слова свобода составляетъ неотъемлемое психическое качество всякаго разумнаго существа. Мои ближніе, разумѣется, могутъ такъ или иначе вліять на мое поведеніе, побуждать меня къ избранію тѣхъ или другихъ цѣлей. Но никакія дѣйствія ближнихъ, никакія вообще внѣшнія препятствія не могутъ лишить меня самой способности сознательно избирать мое поведеніе, сознательно опредѣляться тѣми или другими мотивами.

Иное дѣло—свобода внѣшняя, свобода какъ возможность осуществлять тѣ или другія цѣли въ мірѣ внѣшнемъ; въ этомъ смыслѣ наша свобода можетъ быть стѣснена, ограничена или даже вовсе уничтожена внѣшними препятствіями, въ томъ числѣ, конечно, дѣйствіями нашихъ ближнихъ. Никто не можетъ воспрепятствовать мнѣ желать тѣхъ или другихъ цѣлей, напримѣръ, желать пользоваться какою-либо вещью или чѣмъ-либо услугами, желать жить, но ближніе мои могутъ воспрепятствовать осуществленію этихъ цѣлей, лишитъ меня своихъ услугъ, имущества и самой жизни—словомъ, всячески стѣснить и даже вовсе уничтожить мою внѣшнюю свободу.

Не трудно убѣдиться въ томъ, что свобода въ этомъ смыслѣ составляетъ *содержаніе* права. Ясное дѣло, что, гдѣ нѣтъ внѣшней свободы, тамъ нѣтъ и самого права. Существо, совершенно лишенное внѣшней свободы (рабъ), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и существо совершенно безправное. Во всякомъ правѣ свобода лица, въ смыслѣ не стѣсненной другими лицами возможности осуществлять тѣ или другія цѣли, составляетъ настолько существенный признакъ, что съ уничтоженіемъ его уничтожается самое право.

Истинность этого положенія можетъ быть подтверждена анализомъ всякаго конкретнаго права. Что такое, напр., право на жизнь? Право это означаетъ, что человѣкъ свободенъ располагать своей жизнью, что никто изъ ближнихъ не долженъ ему въ этомъ препятствовать; оно означаетъ, что человѣкъ свободенъ жить въ мірѣ внѣшнемъ и что всѣ прочіе люди должны уважать эту свободу. Что такое право на долгъ? Свобода кредитора располагать въ извѣстный срокъ опредѣленной частью имущества должника, требовать съ него уплаты. Право на чужія услуги—есть свобода располагать опредѣленными услугами другихъ. Право собственности есть свобода лица—собственника—всесторонне господствовать надъ принадлежащей ему вещью.

Казалось бы, впрочемъ, что существуютъ такія права, которыя не только не заключаютъ въ себѣ этого признака свободы, но, напротивъ того, исключаютъ его, закрѣпляютъ состояніе несвободы: таково, напримѣръ, крѣпостное право. Въ этомъ всегда заключалось одно изъ главныхъ возраженій тѣхъ юристовъ и философовъ, которые отказываются признавать

свободу существеннымъ признакомъ права. Возраженіемъ этимъ, между прочимъ, воспользовался проф. Петражицкій въ своихъ „Очеркахъ философіи права“. Однако, при внимательномъ анализѣ оно оказывается совершенно неубѣдительнымъ: на самомъ дѣлѣ крѣпостное право есть одно изъ тѣхъ кажущихся исключеній, которыя блистательно подтверждаютъ общее правило: крѣпостное право дѣйствительно отнимаетъ свободу у крѣпостного, но оно предоставляетъ свободу господину. Крѣпостное право есть свобода господина распоряжаться своимъ крѣпостнымъ. Если мы откинемъ этотъ признакъ свободы господина, то у насъ ничего не останется отъ самаго понятія крѣпостного права; только въ силу этой признанной обычаямъ или закономъ свободы господина его господству надъ его крѣпостными усвоено названіе право. Крѣпостное право, очевидно, не есть право крѣпостного, ибо послѣдній несвободенъ и по этому самому совершенно безправенъ; оно есть право господина именно потому, что оно выражаетъ свободу господина. Значитъ, всякое право заключаетъ въ себѣ элементъ свободы, хотя эта свобода можетъ быть и одностороннею, имѣть характеръ привилегіи одного лица въ ущербъ другому. *Гдѣ вовсе нѣтъ свободы, тамъ вообще не можетъ быть никакого права.*

Гораздо большій интересъ представляетъ другое возраженіе, которое всегда противопоставляется защищаемому ученію, а именно—вѣчная ссылка на малолѣтнихъ и слабоумныхъ. Говорить, что эти лица обладаютъ правами, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ лишены свободы: они не свободны распоряжаться ни своею личностью, ни своимъ имуществомъ—они находятся всецѣло во власти опекуновъ и родителей.

Основная ошибка этого возраженія заключается въ смѣшеніи свободы внѣшней со свободой внутренней. Та внѣшняя свобода, которая составляетъ существенный признакъ *всякаго* правомочія, не предполагаетъ никакихъ психическихъ свойствъ у ея обладателя. Свобода эта заключаетъ въ себѣ два признака—отрицательный и положительный. Это, во-первыхъ, *независимость отъ чужого произвола*, а во-вторыхъ, *условная возможность самоопредѣленія*, т.-е. возможность положительныхъ дѣйствій.

Гдѣ нѣтъ личной независимости, тамъ нѣтъ и права: этотъ признакъ существенъ для правъ малолѣтняго, какъ и всякаго другого лица. Подобно всякимъ другимъ субъектамъ права малолѣтніе и слабоумные ограждены противъ чужого произвола цѣлымъ рядомъ правилъ какъ въ личной, такъ и въ имущественной сферѣ; ни личность, ни имущество ихъ не могутъ быть обращены въ орудія какого-либо другого лица. Именно этимъ положеніе правоспособнаго опекаемаго отличается отъ положенія раба; одна изъ важнѣйшихъ задачъ самой опеки заключается въ томъ, чтобы обезпечить независимость личности опекаемаго. Поэтому мы безъ всякаго противорѣчія можемъ признавать свободными малолѣтнихъ и слабоумныхъ. Свободны они въ силу предоставленныхъ имъ правъ и лишь постольку, поскольку они обладаютъ правами.

Обладаютъ ли они свободой въ смыслѣ возможности совершенія положительныхъ дѣйствій? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію, если мы примемъ во вниманіе *условный характеръ той свободы, о которой здѣсь идетъ рѣчь*.

Когда мы говоримъ, что какому-либо учрежденію или акціонерной компаніи предоставляется свобода совершать опредѣленные дѣйствія, напр., свобода продавать, покупать, распоряжаться опредѣленнымъ имуществомъ, выраженіе „свобода“ ни въ комъ не вызываетъ недоумѣній несмотря на то, что учрежденія и акціонерныя компаніи никакими психическими свойствами не обладаютъ. Ибо для всѣхъ ясно, что терминъ „свобода“ тутъ имѣетъ условное значеніе: подъ „дѣйствіями“ акціонерной компаніи подразумѣваются законныя дѣйствія ея представителей, уполномоченныхъ дѣйствовать отъ ея имени, осуществлять ея права; подъ „свободой“ акціонерной компаніи разумѣется предоставленная ея представителямъ возможность совершать эти дѣйствія отъ ея имени.

Въ такомъ же условномъ смыслѣ свобода совершать опредѣленные дѣйствія принадлежитъ и малолѣтнимъ. Они также *черезъ посредство своихъ представителей* свободны распоряжаться своимъ имуществомъ, извлекать или не извлекать изъ него доходъ, умножать и отчуждать его при условіи соблюденія требованія закона. Что въ данномъ случаѣ рѣчь

идеть свободѣ правообладателя, а не о свободѣ другого лица, видно изъ того, что опекунъ, распоряжающійся имуществомъ малолѣтняго, дѣйствуетъ не по собственному праву, а осуществляетъ право опекаемаго. Онъ свободенъ лишь въ предѣлахъ этого права.

Свобода, какъ субъективный, личный элементъ права, не исчерпываетъ собою его сущности. Мы видѣли, что право неразрывно связано не только съ существованіемъ отдѣльнаго лица, но и съ существованіемъ общества. Поэтому самому на ряду съ личнымъ элементомъ свободы право заключаетъ въ себѣ другой—общественный элементъ—правило поведения или норму, ограничивающую свободу отдѣльнаго лица. Этотъ элементъ — ограниченіе свободы нормою—представляетъ собою столь же существенный признакъ права, какъ и самая свобода. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что свобода лица, напр., свобода человѣка ничѣмъ не ограничена, что нѣтъ никакихъ правилъ, ее обуздывающихъ и сдерживающихъ. Ясное дѣло, что при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть рѣчи о правѣ. Если каждому человѣку принадлежить безграничная свобода распоряжаться чужой жизнью, то это значить, что никто не имѣетъ права на жизнь; если нѣтъ правилъ, ограничивающаго его свободу захватывать всѣ тѣ вещи, которыя онъ желаетъ, отнимать ихъ у сосѣдей, то это значить, что ни у кого нѣтъ права собственности. Если нѣтъ никакихъ правилъ, ограничивающихъ мою свободу принуждать ближнихъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ въ мою пользу, если я могу бить, оскорблять и обращать ихъ въ орудія моей прихоти, то это значить, что никто не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ. Слѣдовательно, гдѣ свобода отдѣльнаго лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаніями, тамъ нѣтъ вообще никакого права: существеннымъ признакомъ права является *правило или норма, ограничивающая свободу*.

Такимъ образомъ существо права выражается въ двухъ основныхъ проявленіяхъ или функціяхъ: съ одной стороны, оно предоставляетъ, отводитъ лицу известную среду свободы; съ другой стороны—оно ограничиваетъ эту сферу рядомъ предписаній, рядомъ обязательныхъ правилъ.

Раньше уже было сказано, что право есть порядокъ, регулирующий отношенія отдельныхъ лицъ въ обществѣ; теперь мы видимъ, что этотъ порядокъ проявляется, во-1-хъ, какъ внѣшняя свобода лица, а, во-2-хъ, какъ правило или норма, съ одной стороны предоставляющая лицу опредѣленную сферу внѣшней свободы, а съ другой стороны ее ограничивающая. Поэтому данное раньше опредѣленіе права можетъ быть здѣсь дополнено и выражено въ слѣдующей краткой формулѣ: *„Право есть внѣшняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой. Или, что то же самое: право есть совокупность нормъ, съ одной стороны, предоставляющихъ, а съ другой стороны ограничивающихъ внѣшнюю свободу лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“*.

Опредѣленіе это существенно отклоняется отъ ученій, господствующихъ въ современной юриспруденціи, а потому нетрудно предвидѣть, что оно встрѣтитъ многочисленныя возраженія. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ точки зрѣнія наиболѣе распространенныхъ въ наше время воззрѣній оно покажется прежде всего слишкомъ широкимъ: оно обнимаетъ въ себѣ многое такое, что большинствомъ современныхъ юристовъ и философовъ права принято относить не къ праву, а къ нравственности или къ условнымъ правиламъ общежитія. Если держаться высказаннаго выше опредѣленія, то придется признать за правовыя многія такія нормы, которыя не только не пользуются признаніемъ со стороны государственной власти, но и вообще не опираются на санкцію того или другого общественнаго авторитета, т. е. рядъ такихъ нормъ, которыя господствующимъ воззрѣніемъ не признаются за правовыя. Каковы бы ни были разногласія современныхъ юристовъ и философовъ права, весьма значительная часть изъ нихъ сходится въ томъ предположеніи, что санкція того или другого внѣшняго авторитета служить необходимымъ признакомъ права.

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ предстоитъ такъ или иначе посчитаться съ этимъ догматомъ современной юриспруденціи. Истинность даннаго только что опредѣленія права можетъ быть доказана только путемъ критическаго разбора цѣлаго ряда несогласныхъ съ нимъ современныхъ ученій о правѣ.

Критика господствующих опредѣленій права.

Официальная теорія (Герингъ).

Особенно рѣзко бросаются въ глаза недостатки тѣхъ ходячихъ въ наше время опредѣленій права, которыя исходятъ изъ понятія государства. Изъ нихъ наиболѣе типичнымъ представляется опредѣленіе, высказанное Герингомъ въ извѣстномъ трудѣ его „Цѣль въ правѣ“. Герингъ считаетъ совершенно правильнымъ то ходячее опредѣленіе права, которое гласитъ: „Право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ“. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что это опредѣленіе, какъ и вообще всѣ тѣ многочисленные въ наше время опредѣленія, которыя исходятъ изъ понятія государства, совершаетъ логическій кругъ, опредѣляетъ право правомъ, неизвѣстное неизвѣстнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государство есть прежде всего правовая организациія, союзъ людей, связанныхъ между собою общими началами права; ясное дѣло, слѣдовательно, что понятіе государства уже предполагаетъ понятіе права. Стало-быть, тѣ ученія, которыя опредѣляютъ право какъ совокупность нормъ „дѣйствующихъ въ государствѣ“ или „признанныхъ государственной властью“, говорятъ на самомъ дѣлѣ иными словами: Право есть право, $X=X$.

Актъ признанія или непризнанія государственною властью тѣхъ или другихъ нормъ за право, очевидно, не можетъ послужить признакомъ для различенія права отъ неправа, ибо этотъ актъ въ свою очередь покоится на правѣ, присвоенномъ государственной власти. Понятіе государства уже предполагаетъ понятіе права; поэтому вводить въ опредѣленіе права понятіе государства — значитъ опредѣлять право правомъ.

Теорія принужденія.

Разумѣется, всего легче возражать противъ тѣхъ теорій, которыя прямо вводятъ понятіе государства въ опредѣленіе права или считаютъ государство „единственнымъ источникомъ права“ (Герингъ). Задача критики становится труднѣе, когда приходится имѣть дѣло съ такими опредѣленіями, въ которыхъ самый терминъ „государство“ не упоминается, но въ